

СООБЩЕНИЯ

УДК 821(091)

П. Н. Толстогузов, Е. В. Толстогузова

СТРАДАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ БАЙРОНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ МОДЕЛИ: БАЙРОН И РУССКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ*

Романтическая литература сознательно строила и предъявляла для подражания модель страдающей личности. Участие Байрона в формировании этой модели самое непосредственное и влиятельное. Его герои почти без исключения — герои подчеркнутого, титанического страдания и неизбежной сердечной муки. Русская поэтическая традиция XIX века восприняла эту литературную модель именно в ее байроновском варианте. Это подтверждает сформированный этой традицией мифопоэтический образ самого Байрона как «мучительного поэта» и «сурового мученика» (Пушкин). Здесь определяется особенность как литературной, так и внелитературной байронической модели: она принципиально открыта в сторону альтернативы. Именно эта природа модели позволяла сказать «нет, я не Байрон, я другой» (Лермонтов), сохраняя при этом байроническую в своей основе позицию.

Ключевые слова: литературная модель личности, страдание как байронический мотив, русский байронизм.

Pavel N. Tolstoguzov, Elena V. Tolstoguzova
**SUFFERING AS A COMPONENT OF BYRONIC LITERARY MODEL: BYRON AND
RUSSIAN POETIC TRADITION**

(Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan)

Romantic literature built and showed deliberately a model of the suffering personality to imitate. Byron's participation in building up this model is the most influential. Almost all of his heroes are heroes of deep, titanic suffering and an inescapable heart pain. The Russian poetic tradition of the XIX century apprehended this literary model in Byronic variant. It is confirmed by the mytho-poetic image created by this tradition, the image of Byron as a «suffering poet» and «the sombre martyr» (Pushkin). Features of both literary, and nonliterary Byronic models are shown. There is always an alternative. This nature of the model let people say «no, I am not Byron, I am a different one» (Lermontov), keeping at the same time a Byronic position as a basis.

Key words: literary model of personality, suffering as a Byronic motif, Russian Byronism.

Толстогузов Павел Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан). e-mail: pnt59@mail.ru

Толстогузова Елена Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан). e-mail: evt5757@mail.ru

© Толстогузов П. Н., Толстогузова Е. В., 2013

Преромантизм начинался «Страданиями юного Вертера», а завершалась романтическая эпоха разнообразными апологиями страдания в «Цветах зла». Излишне приводить примеры того, что страдание было в центре романтической проблематики: они слишком многочисленны. Страдание для романтиков — основное формирующее личность начало: чем сильнее страдание, тем своеобразнее личность, тем, следовательно, ближе для нее тот индивидуалистический максимум самовыражения, к которому стремились романтики. Романтическая литература сознательно строила и предъявляла для подражания модель страдающей личности.

Участие Байрона в формировании этой модели самое непосредственное и влиятельное. Его герои почти без исключения — герои подчеркнутого, титанического страдания и неизбежной сердечной муки. Таковы Прометей, Чайльд-Гарольд, Корсар, Манфред, Лара и другие. Таков же, за немногими исключениями, его лирический герой. Фраза героини из «Двоих Фоскари» «We all must bear our tortures»** (акт 1, сцена 1) [10: vol. 5, p. 131] воспринимается в байроновском контексте не как трюизм, а как универсальная героическая ситуация. Его любимец, «дикий» Руссо, предстает в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» как «добровольно предающий себя мучениям мыслитель» и «апостол страдания» («the self-torturing sophist, wild Rousseau, / The apostle of affliction» — песнь третья, ст. LXXVII [ibid.: vol. 2, p. 264]). Гений человека мужает в страданиях («Жалоба Тассо»). Байроническое страдание получает глубокие эстетизированные отклики и в великом прошлом («Laocoon's torture dignifying pain» из «Паломничества Чайльд-Гарольда», песнь 4, строфа CLX — «Благородная боль лаокооновой пытки»), и в состояниях природы («The Hell of Waters! where they howl and hiss, / And boil in endless torture» — там же, песнь 4, строфа LXIX: «Преисподняя вод! где они воют, и шипят, и кипят в бесконечной пытке») [ibid: vol. 2, p. 445, 382].

Русская поэтическая традиция XIX века восприняла эту литературную модель именно в ее байроновском варианте. Это подтверждает сформированный этой традицией мифопоэтический образ самого Байрона как «мучительного поэта» и «сурового мученика» [9: т. 2, с. 107; т. 3, с. 53], «измученного тоской поэта» [2, с. 66], как «муки голос» [5, с. 173]. М. Ю. Лермонтов: «У нас (с Байроном. — П. Т., Е. Т.) одна душа, одни и те же муки» [6: т. 1, с. 255]. Л. А. Якубович: «Ищи в нем (в Байроне. — П. Т., Е. Т.) слов для выраженья / Ужасных мук души своей» [8: т. 2, с. 271]. Героя Ап. Григорьева — «последнего романтика» — терзают «коршун Прометеев» (байроническая аллюзия) и «адская мука» Манфреда [3, с. 283]. И т. д. — вплоть до «внутреннего яда страданья» у С. Я. Надсона [7, с. 56–58].

В XX веке Вяч. Иванов описал смысловую сумму байронического страдания как «муку отчужденности гордого человека» («Байронизм как событие в жизни русского духа»). Эта ситуация, по Иванову, настоятельно провоцировала «ответ»: формулу единства [4, с. 271–272]. Здесь определяется особенность как литературной, так и внелитературной байронической модели: она принципиально открыта в сторону альтернативы, она как бы со-

держит внутреннее требование альтернативы (ср. самодостаточность и закрытость таких популярных моделей предыдущей эпохи, как «чувствительный» и «холодный», «просвещенный» и «невежественный», «дикий/простой/наивный» и «цивилизованный/развращенный» и т. п.). Эта особенность модели тесно связана с концепцией романтического «незавершенного героя» [1, с. 229]: душевное страдание – симптом сугубой неудовлетворенности и, следовательно, открытости альтернативам. Именно эта природа модели позволяла сказать «нет, я не Байрон, я другой» [6: т. 1, с. 255], сохраняя при этом байроническую в своей основе позицию.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Сообщение впервые было представлено как доклад заочных участников на круглом столе «Литературная мода и литературные модели в западноевропейской и американских литературах», проведенном в рамках «Конференции – 2013» филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 16 марта 2013 г.).

** «Мы все должны <сами> претерпевать свои мучения». Вероятно, полемический перифраз апостольских слов «Bear ye one another's burdens» – «Носите бремена друг друга» (Послание к Галатам, 6:2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бройтман С. Н. Романтическая поэтика «возможности» и образ неготового мира // Теория литературы. В 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2004. С. 228–230.
2. Веневитинов Д. В. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1982. 176 с.
3. Григорьев Аполлон. Стихотворения. Поэмы. Драммы. СПб.: Академический проект, 2001. 760 с.
4. Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
5. Козлов И. И. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1956. 348 с.
6. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4 тт. М., 1964–1965.
7. Надсон С. Я. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 2001. 512 с.
8. Поэты 1820–1830-х годов. В 2 тт. Л.: Сов. писатель, 1972.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 тт. Л.: Наука, 1977–1979.
10. Byron G. G. Poetical Works of Lord Byron. In 7 vol. / Ed. by E. H. Coleridge. L.-N. Y.: Publishing House «John Murray», 1904–1922.

* * *